

УДК 94(510).08+47+460

ББК (Т)63.3(0)53

В.А.Ушаков, А.А.Петрова

ВОССТАНИЕ ИХЭТУАНЕЙ В КИТАЕ В ОТОБРАЖЕНИИ ИНОСТРАННЫХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ

Статья написана на основе изучения записей, которые оставили корреспондент газеты «Новый Край» Д.Г. Янчевецкий и генерал-майор А.В. Верещагин и испанский дипломат Л. Валера. Они побывали в Китае либо в ходе восстания ихэтуаней («боксеров» 1898–1901) и интервенции восьми стран-участниц «Альянса» против Китая, либо вскоре после подавления восстания и принятия китайцами ультиматума интервентов. Сравнение записей иностранных наблюдателей, выявление общих положений и отличий их видения драматических событий в Китае на рубеже веков позволило пополнить и откорректировать уже известные сведения о ходе дел в Китае и о состоянии международных отношений в ту пору. Особую ценность приобрели попытки иностранных авторов определить сроки, пути и методы преодоления кризиса в Китае, стремление извлечь уроки для сторон конфликта и высказать прогнозы вероятного развития Китая, которые в разной мере и осуществились в XX–XXI вв.

Ключевые слова:

восстание ихэтуаней («боксеров»), Испания, Китай, Российская империя, взгляд иностранцев – очевидцев событий.

Ушаков В.А., Петрова А.А. Восстание ихэтуаней в Китае в отображении иностранных наблюдателей // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 4. – С. 19–23.

© Ушаков Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: v.usakov@spbu.ru

© Петрова Ариадна Александровна – кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: ariadnapetrova@yandex.ru

В стихии бунтов и восстаний доведенных до нищеты и отчаяния масс, советские исследователи, прежде всего, выделяли антиимпериалистический, социальный характер таких выступлений и отмечали пробуждение национального самосознания народов колониальных и зависимых стран. С этих позиций трактовали и крупнейшее в Китае восстание ихэтуаней («боксеров»), польхавшее в 1898–1901 гг. [4, с. 5–22]. Современные историки рассматривают его как одно из проявлений столкновения старого и нового нарождающегося Китая, событие, ставшее отправной точкой удивительных преобразований древней страны [6, с. 489–542; 5, с. 9–33]. А как воспринимали кровавые события иностранцы, оказавшиеся в Китае во время восстания или вскоре после его подавления? Что же отражали их записи? Их оставляли представители разных стран, в том числе и Российской империи, участвовавшей в вооруженной борьбе на охваченных мощным восстанием ихэтуаней территориях.

Ситуацию в Китае и острую фазу выступлений ихэтуаней освещал Д.Г. Янчевецкий – корреспондент выходящей в Порт-Артуре газеты «Новый Край». В «самое пекло» восстания его командировали по заданию главного начальника Квантунской области генерал-адъютанта Е.И. Алексева. Редактор же газеты подполковник П.А. Артемьев публиковал поступавшие материалы. В 1903 г. они же в форме книги вышли в свет в редакции и издании Артемьева [9, с. 18, 227; 8]. Книга Янчевецкого с сокращением иллюстративных материалов, рекламных объявлений и краткого предисловия «От издателя» (П.А. Артемьева), но с написанным А. Хорошевским новым «введением» была переиздана в 2013 г. в серии «Великие русские путешественники» [9, с. 7–13]. И в одном переплете с ней как приложение была опубликована «замечательная» и «блестящая книга» генерал-майора А.В. Верещагина, посетившего Китай вскоре после подавле-

ния восстания ихэтуаней и изложившего свои наблюдения [9, с. 4, 6–7, 391–470; 2].

Положение в Китае после подавления восстания ихэтуаней отражал и дневник получившего назначение в Пекин в 1900 г. испанского дипломата Луиса Валеры-и-Делавата [10]. И поскольку Испания напрямую не была втянута в войну «Альянса» (Великобритания, Германия, Австро-Венгрия, Франция, Италия, Япония, США, Россия) с властями и народом Китая, а опубликованные в 1902 г. в Мадриде записи дипломата оставались практически неизвестны россиянам [7, с. 98–101], то соединение и сравнение материалов разных авторов позволило бы пополнить и уточнить, откорректировать уже известные данные о положении в Китае, о состоянии международных отношений в ту пору, и привнести новые значимые сведения в познание указанной проблематики.

Современники восстания ихэтуаней из России журналист Янчевецкий и военный Верещагин и испанский дипломат Валера оказались в Китае по служебным делам, что накладывало на них определенные обязательства. В силу этого они не стремились откровенно противостоять политике своих правительств. Особенностью, сближавшей работу трех авторов, выступал и их европоцентристский подход к восприятию мира на рубеже XIX–XX вв., соответственно и к трактовке состояния дел в Китае и перспектив развития этой страны. К тому же эти очевидцы событий наблюдали не только схожие картины в Китае, но и получали разноплановую информацию, и по ходу событий была возможна коррекция мнений и оценок. Несомненно, эти оказавшиеся в Поднебесной лица в разной мере и форме стремились прояснить ход кровавых событий, разобраться в их причинах, обозначить цели стран «Альянса» и китайских властей, а также позиции элиты и других групп китайского населения и отдельных участников войны. Европейцы оценивали тяжесть понесенных в ходе восстания и боевых действий потерь и разрушений, пытались определить пути и сроки, формы и методы преодоления кризиса в Китае, извлечь из происходившего уроки как для китайской стороны, так и для чужестранцев.

С этими целями авторы постепенно «погружались» в историю древнего и в реалии жизни современного им Китая. Они учитывали традиции и наработки в развитии дипломатических и торгово-экономических отношений с властями и деловыми кругами Поднебесной, Но, если Испания после поражения в войне с США (1898 г.)

не располагала должным потенциалом и сохраняла минимальное политико-дипломатическое присутствие в Китае [7, с. 100–101], то власти и деловые круги Российской империи стремились утвердиться в Маньчжурии – Северном Китае. Россияне развивали разнообразные отношения с влиятельными лицами при императорском дворе в Пекине, с отдельными китайцами – военными и правителями провинций, с купцами и предпринимателями (компрадорами) и с зарождавшейся интеллигенцией, то есть со всеми теми сторонниками «вековой русско-китайской дружбы», кому Д.Г. Янчевецкий и посвятил свою книгу [9, с. 12–16, 36, 44, 123, 233–234, 317–324, др.].

Активная поддержка царских властей во многом обеспечивала быстрое и масштабное «освоение» китайских территорий, их природных богатств и людских ресурсов. А о размахе и темпах проникновения российского капитала, деятельности военных и чиновников свидетельствовали данные записей Янчевецкого и Верещагина. То были описания и фотографии масштабного строительства городов Порт-Артура и Дальнего, обустройства там портов и военной базы, но самым впечатляющим показателем стало сооружение ударными темпами (всего за пять лет) избыточной сложными и трудоемкими сооружениями (мостами, тоннелями) Маньчжурской железной дороги протяженностью в 2500 верст, равно как и сооружение других стратегически и экономически важных объектов. При их создании российский капитал и военное командование активно использовали труд масс китайских рабочих и крестьян. Последнее подтверждали и сведения об организованной инженером Карповым посылке в короткие сроки 80 тыс. работников для прокладки железнодорожных путей. При этом труд и жизнь китайцев ценились крайне дешево: даже в зимнее время рабочих перевозили на открытых платформах, и из-за мороза и ветра часть их замерзала [9, с. 40; 3, с. 403–417].

Столь драматическое развитие событий и людские потери не уменьшали аппетитов владельцев концессий, будь то русские предприниматели и подрядчики или представители других стран, в планы которых входило опутать Китай сетью из многих десятков железнодорожных и телеграфных линий [10, р. 394]. И это «наступление» прогресса на Китай не было мирным: относительное спокойствие в районах сооружения магистралей в Маньчжурии обеспечивали казаки и солдаты. Правда, в оценке Верещагина, от проводимых ими каратель-

ных экспедиций и грабежей более страдало мирное население, а не разбойники-хунхузы. А другие особенности ведения работ заключались в коррупции и хищениях казенных денег и в том, что концессионеры изымали значительные земельные площади и по полям и могилам китайцев прокладывали линии железных дорог и телеграфа. «Победное» шествие цивилизации буквально «разрывало» сердца китайцев, и внедряемые иностранцами достижения технического прогресса оборачивались смертельными ударами по традиционным секторам отсталой экономики и занятым в них массам китайцев. По наблюдениям испанца Л. Валеры, только постройкой железной дороги от Тяньцзиня до Пекина лишила работы и средств к существованию многие тысячи местных кули, лодочников, носильщиков, представителей других профессий, что вызвало у китайцев ненависть к «проклятым иностранцам» – «заморским чертям» и стало одной из непосредственных причин, подтолкнувших их к восстанию против западной цивилизации. В ходе этих выступлений ихэтуани в первую очередь жгли станции, разрушали железнодорожное полотно, уничтожали паровозы и подвижной состав, нарушали линии телеграфной связи [9, с. 37, 57, 374–376; 3, с. 436–438; 10, р. 92–93].

В охваченном восстанием Китае инженерно-технический персонал, служащие телеграфа, не говоря уже об охране, подвергались восставшими захвату, издевательствам, пыткам и казням. Не менее суровая участь выпадала и на долю сотрудников религиозно-просветительских миссий и обращенных в христианство местных жителей [9, с. 52, 63, 69, 76–78, 84–86, 232–233, 371–374, др.]. Столь ожесточенная борьба побудила очевидца этих событий Янчевецкого уже летом 1900 г. растерянно заявить: «Я так верил в китайцев и в их традиционную дружбу с Россией <...> Но, Боже мой, что же теперь они делают? Где же эта дружба, их мудрость и испытанное миролюбие? Это какая-то насмешка над историей <...> над здравым смыслом <...>» [9, с. 122–123].

Янчевецкий зримо менял и свое отношение к повстанцам. Когда его направили «в самое пекло» восстания, то он полагал, что «никогда» не будет «стрелять в боксеров, так как весьма уважает этих патриотов». Столкнувшись с ужасами разгоравшейся войны, он уже писал, что ихэтуани – это «дикий, невежественный народ», «жалкие несчастные твари» и видел только лица повстанцев «со скулами и косыми бессмысленными глазами» [9, с. 26, 37, 69, 90].

Российские авторы, как и дипломат из Испании, уделяли большое внимание ходу восстания. Они писали о разрушении городов и деревень в Китае, отмечали огромные жертвы среди местного населения и европейцев, попавших в жернова восстания ихэтуаней и тяжелой войны между Поднебесной и войсками стран «Альянса» [10, р. 79–80, 101, 118–119, etc.; 9, с. 85–86, 107–117, 171–173, 205–208, др.]. При этом противник разрешения конфликтов силовыми методами Л. Валера полагал, что война – «это ужасное событие, даже если ее ведут цивилизованные нации, имея в виду благие цели» [10, р. 180–181], а Янчевецкий и Верещагин основной вину за бедствия, преступления и чудовищную жестокость на войне возлагали на китайскую сторону (ихэтуаней и правительственную армию) и на войска союзников по «Альянсу». И те, и другие предпочитали не брать в плен поверженного врага: китайцы действовали из чувства ненависти и мести и истребляли врагов как «черепаш», а европейцы и японцы презирали китайцев, считали их за «варваров и рабов» или просто за «тварей», которых можно уничтожить. По утверждениям Янчевецкого, российские военные не допускали насилий и грабежей, проявляли гуманное отношение к пленным и даже лечили раненых. Более того, проявляя доблесть и воинское умение, именно российская армия играла решающую роль в важнейших боевых операциях против повстанцев и союзных им китайских войск (занятие стратегически важных фортов, оборона Тяньцзиня, взятие Пекина, умиротворение Маньчжурии) [9, с. 32, 36, 67–73, 84–90, 102–123, 136–139, 180–188, 205–212, 232–233, 248–249, 310, 367–368, 374–378, др.].

Янчевецкий обозначил и главнейшую роль царской России в наведении порядка в мятежной стране и вытекавшие отсюда претензии на новые земли. Он писал: «В течение событий 1900 года Россия немедленно мобилизовала 98 000 солдат, т. е. в 10 раз больше того числа войск, которые были присланы всеми иностранными державами вместе для освобождения Пекина. Россия потеряла 2002 солдата <.....> и исключительно своими силами <...> произвела усмирение Маньчжурии <...> от Монголии до Кореи [9, с. 384].

Материалы Янчевецкого и Верещагина содержали не только указания на имперские (империалистические) амбиции России в Китае. Авторы писали о расколе и борьбе за влияние и власть среди китайской элиты, когда на том историческом отрезке одна ее часть соглашалась на проведение реформ, осознавала пагубность нападков

на иностранцев и желала избежать войны с ними. И тогда же преобладавшие в правительстве, при дворе и в провинциях силы под маской «двуличия» отчасти противились модернизации страны и стремились в своих интересах использовать лозунг «охраны династии и уничтожения иностранцев» [9, с. 35–36, 44–45, 52–54, 56–57, 231–235, 317–324; 3, с. 418–420]. Мотивы внутренней борьбы в Китае в книгах российских современников выступали значимым фактором, ведущим эту страну к потрясениям.

Российские авторы размышляли и о характере и обособленности цивилизации Китая, о тех ее отличиях, которые обуславливали стойкое неприятие китайцами нововведений Европы и перемен. Различия в культуре и быте европейцев и китайцев отметил и испанский дипломат Валера [10, р. 11, 29–32, 53–54, etc.], на примере Шанхая показавший, что европейская и аборигенная цивилизации «не смешиваются между собой, как вода и растительное масло не смешиваются в сосуде». [10, р. 11]. Европейцы осознавали, что такое сосуществование, а точнее, столкновение цивилизаций проходило трудно; просторы Китая, его богатства и бесчисленное население буквально «гасили» натиск Запада; его рационализм и техническое превосходство порой были бессильны. Сложившиеся за века и тысячелетия устои жизни Поднебесной, общая склонность к консерватизму и застывшие стереотипы мировосприятия и поведения китайцев, их самобытность и верования, трудолюбие и былые достижения науки, техники, культуры все еще подпитывали иллюзорные представления о превосходстве китайской цивилизации над цивилизациями других народов [9, с. 37, 63, 182, 276, 325, 368; 3, с. 393–399, др.]. Такие ощущения не исчезали и когда страна терпела унижительные поражения. Даже тогда многие, если не большинство китайцев, все еще полагали, что на стороне торжествовавших победителей – «только насилие, обман и дерзость: а на нашей – правда и четыре тысячелетия жизни, потому что мы – китайцы, а вы – варвары». Часто казалось, что время надолго, если не навечно, фиксировало и особое отношение китайцев к презираемым иностранцам как к «заморским дьяволам», «нецивилизованным варварам» [9, с. 57, 207, 367]. «И действительно, – с возможным сожалением констатировал Верещагин, – <...> нам китайца не переделать на свой лад, – а напротив, китаец пересилит, русский непременно там окитаится» [3, с. 444].

Европейские авторы писали о судьбоносных потрясениях в Китае и призна-

вали роль различий в цивилизационном развитии. Согласно их схеме, динамичная европейская цивилизация несла модернизацию китайскому обществу и государству и на этом пути она столкнулась с косным, застывшим «недвижным» колоссом – Китаем и той частью многомиллионного населения, которая в силу разных причин противилась вторжению непрошенных цивилизаторов-европейцев. Однако исход борьбы цивилизации Китая и Запада, авторы рисовали уже в отличных вариантах. Л. Валера полагал, что китайский вопрос решен и «огромному Китаю, одряхлевшему и обессиленному, пришлось капитулировать и пойти на новые уступки народам далекого Запада. Скоро, – писал дипломат, – Поднебесную избороздят сто новых железных дорог, которые станут лучшими миссионерами (посланниками) столь ненавистой для китайцев западной (европейской) цивилизации» [10, р. 394]. Вывод дипломата не был окончательным, некоторые колебания в его суждениях отмечены современными исследователями [7, с. 107].

Российские авторы высказывали прогнозы развития событий в Китае после подавления повстанцев и поражения китайской армии от войск стран «Альянса». В 1901 г. А.В. Верещагин дважды побывал в этой стране и смог не только «по горячим следам» высказать свои мысли, но он обратился к истории тысячелетий и вскрыл невероятную живучесть и мощь китайской цивилизации. «Меня, – писал он, – всегда поражала мысль <...> ведь сколько в древности жило народов на свете: египтяне, вавилоняне, ассирийцы, финикияне <...>, и что от них осталось? – развалины дворцов, храмов...» и прочие археологические находки, а «Китай же не менее древен <...>, а между тем не только не уничтожился и не ослабел, а, наоборот, – он все растет, богатеет и становится могущественнее <...> Это, – считал автор, – самым наглядным образом доказала последняя война его со всем цивилизованным миром», и восемь первоклассных держав так и не смогли сломить дух китайцев. А ведь «чего-чего только не наобещали Китаю. Чуть ли не стереть его с лица земли? А чем это все кончилось? Германцы измучились, истопились в войне, а Китаю – что с гуся вода <...> Невольно задаешь себе вопрос, – рассуждал Верещагин, – ну, в Китае полмиллиарда народу. Пройдет немного времени, в нем будет миллиард. Между тем мы же, европейцы, стараемся устроить к нему всевозможные пути сообщения <...> Да ведь не мы, – предрекал автор, – а он заполнит нас. Затопит своей многочисленностью» [3, с. 393–394].

Верещагин приводил и другие весомые доводы в поддержку своей версии о грядущем взлете могучего Китая, способного подчинить «заполонить» слабеющую европейскую цивилизацию. И, полагал он, «положительно можно назвать преступлением то, как мы, – исконные соседи такого великого государства, так мало познакомились с ним». «Можно с уверенностью сказать, – заключал мысль генерал, – что в самом непродолжительном времени он (Китай. – Авт.) осознает свою колоссальную силу, встряхнется, и горе будет Европе, а в особенности нам. Западная Европа пострадает в лице лишь тех жертв, которые не успеют спастись; Россия же, граничащая с Китаем на тысячи верст, может сильно потерпеть» [3, с. 394–395].

Столь мрачная перспектива не исключала другие варианты развития событий в Китае и вокруг него. Их и излагал журналист Янчевецкий, изучавший причины, толкавшие китайцев к борьбе против чужестранцев. Он предлагал считать с этими фактами «особенно на будущее время, ввиду возможности повторения подобного кризиса в Китае». Журналист констатировал, что «этот печальный год поколебал давнишнее доверие и расположение китайцев к русским». Но, по его мнению, «в этом, вероятно, прежде всего виноваты мы сами <...> И только от нас самих – от каждого русского, ныне живущего и работающего в Маньчжурии, зависит заставить китайцев относиться к нам с тем уважением, которого требует достоинство России» [9, с. 235, 373].

Возможен был и другой вариант развития событий. Прибывший в район восстания журналист часто отмечал противоречия и соперничество между командирами войск – стран-участниц «Альянса». Россия и Франция выступали как союзники, им нередко противостояли Великобритания, Германия, Япония и США и постепенно

сформировались две группировки, а австрийцы и итальянцы из-за их малочисленности заметной роли не играли [9, с. 168, 170, 213, 238, 265–266, 296, др.]. В Китае на войне «бились международные отряды желтого, красного и белого племени <...> Это было такое странное и роковое смешение людей и понятий, что спуталось даже представление о смысле и цели всей этой войны <...> Впервые в истории человечества, на берегах Тихого океана сошлись для кровавого спора разные племена Азии, Европы и Америки <...> Не есть ли китайская распря 1900 года, – вопрошал Янчевецкий, – предзнаменованием грядущей великой борьбы, которая разразится в неотдаленном будущем на Китайской равнине между разными народами Европы, Азии и Америки, для дележа Тихого океана» [9, с. 20, 243].

Истории было угодно распорядиться так, что на протяжении XX в. все высказанные современниками восстания ихэтуаней прогнозы (или сценарии развития событий) в той или иной мере и форме сбывались. Россия на время закрепились в Маньчжурии, отсюда ее выбили японцы, которые в конкуренции с другими державами – носительницами «цивилизации» заполонили и делили Китай. Эту страну охватывали новые восстания и волны национально-освободительной и социальной борьбы, в ее огне и родилась современная Китайская Народная Республика с почти полуторамиллиардным населением. Эта ныне первая экономика мира, наращивая торгово-финансовую экспансию, а с ней и культурное и политическое влияние, буквально затопила «старушку» Европу и другие континенты. Китайская цивилизация давно и прочно вошла в перечень мировых феноменов, и изучение ее основных черт и особенностей стало одним из ведущих направлений науки.

Список литературы:

- [1] Артемьев П.А. От издателя // Янчевецкий Д. У стен недвижимого Китая. – СПб.: Издание П.А. Артемьева, 1903. – С. I–III.
- [2] Верещагин А.В. В Китае. Воспоминания и рассказы 1901–1902 гг. – СПб., 1903. – 223[1] с.
- [3] Верещагин А.В. В Китае. Воспоминания и рассказы 1901–1902 гг. // Янчевецкий Д.Г. У стен недвижимого Китая (с приложением книги А.В. Верещагина «В Китае»). – Москва: Эксмо, 2013. – С. 391–470.
- [4] Калюжная Н.М. Предисловие // Восстание ихэтуаней. Документы и материалы. – М.: Наука, 1968. – С. 5–22.
- [5] Непомнин О.Е. История Китая. XX век. – М.: ИВИ РАН, Крефт, 2011. – 736 с.
- [6] Непомнин О.Е. История Китая. Эпоха Цин XVII – начало XX века. – М.: Восточная литература, 2005. – 712 с.
- [7] Петрова А.А. Китай на рубеже XIX–XX веков глазами испанского дипломата // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. – СПб.: Изд-во РХГА, 2016. – С. 97–110.
- [8] Янчевецкий Д. У стен недвижимого Китая. – СПб.: Издание П.А. Артемьева, 1903. – 617 с.
- [9] Янчевецкий Д.Г. У стен недвижимого Китая. С приложением книги А.В. Верещагина «В Китае». – М.: Эксмо, 2013. – 480 с.
- [10] Valera, Luis. Sombras chincasas. Recuerdos de un viaje al Celeste Imperio. – Murcia: Nausicaa edicion electronica, S.L., 2004. – 394 p.